

КАТАРИНА МАНДРАГОРА

18+

Я — ВЕДЬМА

Катарина Мандрагора

**Я — Ведьма. Мистическая
автобиография**

«Издательские решения»

Мандрагора К.

Я — Ведьма. Мистическая автобиография / К. Мандрагора —
«Издательские решения»,

ISBN 978-5-00-607962-5

В книге переплелись магия, сказка и реальная современная жизнь обычных женщин. Книга автобиографическая с элементами фантастики и отсылками к философским рассуждениям об экзистенциальных вопросах. Борьба с внутренними конфликтами и личностный рост на примере главной героини, как она проходила свой сложный жизненный путь, как боролась сама с собой и своими демонами, как принимала в себе магический дар и к чему в итоге пришла.

ISBN 978-5-00-607962-5

© Мандрагора К.
© Издательские решения

Содержание

Введение	6
Глава 1.	7
Эпизод 1. Кровь — не водица	7
Эпизод 2. Исчадие тьмы и света	8
Эпизод 3. Злые люди	10
Эпизод 4. Знакомство	11
Эпизод 5. Проклятье	13
Эпизод 6. Второе знакомство	14
Эпизод 7. Сила	16
Эпизод 8. Тёмный лес	18
Эпизод 9. Любовь	19
Эпизод 10. Знание	21
Эпизод 11. Избавление	23
Эпизод 12. Бегство	25
Конец ознакомительного фрагмента.	27

Я — Ведьма Мистическая автобиография

Катарина Мандрагора

© Катарина Мандрагора, 2026

ISBN 978-5-0060-7962-5

Создано в интеллектуальной издательской системе Ridero

Введение

Привет!

Меня зовут Катарина. И я — Ведьма.

Да, самая настоящая современная ведьма. Ты можешь встретить меня на улице и ни за что не догадаться об этом, с виду я обычная женщина, но ты непременно обратишь на меня взгляд в толпе других женщин. Ты задержишься на секунду, что-то покажется тебе необычным, но ничего не поймешь, подумаешь что померещилось, и толпа, подхватив тебя, повлечёт дальше своим бурным потоком в сторону метрополитена, магазинных зазывал и зевак-туристов. Вечером ты придёшь домой, скинешь тесную обувь, плюхнешься на диван, и снова вспомнишь меня, ведь чем-то я запомнилась, твоим ощущением рядом со мной, не так ли? «Мистика какая-то», — хмыкнешь ты. И с этого момента мистики в твоей жизни будет становиться всё больше, в какой-то критический жизненный момент скепсис спадёт окончательно. И ты поверишь. Поверишь в то, что я есть. И есть нечто большее, чем способны видеть, слышать и осязать твои органы чувств.

Именно так в твою жизнь придёт Прозрение. И если ты читаешь эту книгу, оно уже происходит с тобой. Как когда-то произошло со мной.

Родилась ли я ведьмой? Да.

Знала ли я с самого начала об этом? Нет.

Эта книга про Путь. Точнее, про запутанные тропы. И про становление. Из неуверенной маленькой волшебницы в сильнейшую ведающую женщину.

Книга художественная (а может быть и нет), решать тебе и твоей вере. Я дала волю творческой искре, но и внесла много биографического материала. Сказка, ожившая в реальности — так бы я её назвала. По прочтении сделаешь выводы, которыми можешь поделиться со мной или сохранить в себе. Готовься к резким временным переходам, взлётам и падениям. Мутить на этих импровизированных американских горках не будет, можешь не бояться. Но очень многое раскопаешь до неизведанных ранее глубин. Очень многое пересмотришь под иным углом. Она будет тебя удивлять и шокировать (местами очень), пугать и успокаивать, направлять и озарять инсайтами. Не буду спойлерить, скажу одно: прежним человеком после прочтения ты уже не будешь. Перед тобой откроются более широкие горизонты. В книге мы погрузимся в запрятанные потаённые миры, загадки и фантазии, соприкоснёмся с мистикой и Тенью, дадим вдоволь поиграть демонам, но не будем спускать их с поводка, а то мало ли... Этих ребят надо держать под чутким присмотром.

Тебе уже не терпится отправиться со мной в увлекательное путешествие?

Чувствую, что да. Так наливай горячего вкусного чая (или глинтвейна), устройся поудобнее на диване, подложи под спину мягкие подушки и попроси чтобы пару часов тебя не трогали. Подари это время себе. Протяни мне руку. Доверься. Чувствуешь тепло? Чувствуешь уже что-то родное и знакомое?

Мы взлетаем в безграничное космическое пространство, которое называется Твой Внутренний Мир.

Глава 1. Исходное знание

Посвящается моей матери, благодаря которой я посвятила жизнь творчеству и выросла человеком нестандартного мировоззрения.

Эпизод 1. Кровь — не водица

Молодая женщина в ситцевой сорочке бежала по длинному тёмному коридору, кое-где через тусклые грязные лампочки пробивался слабый свет. Местами лампочки перегорели и с них свисала паутина. Впереди за руку её тащила старуха, в платке и длинном коричневом плаще. Старуха стучала изо всей силы в двери, на которых потрескалась и стала слезать некогда белая краска. Двери были закрыты. Часть из них — заколочены. Женщине становилось всё больнее, по её ногам стекала вода. Она резко остановилась, отдёнув старуху назад. Облокотилась на стену, схватилась за большой живот и сползла на грязный пол.

— Ты рожаеть! — грозно крикнула старуха, — Рожаеть, мать твою! Просыпайся немедленно! Она сейчас умрёт!

Женщина открыла глаза. Полную луну, освещавшую палату, резко чем-то заполонило, и за окном послышался жуткий небесный грохот. Яркая вспышка озарила кровать с белым ситцевым бельём и огромное мокрое пятно на нём. Хлынул ливень.

«Она сейчас умрёт!» — пронеслось опять эхом в голове женщины. Она подхватила мокрый подол сорочки, с трудом сползла с кровати и, держась за стены, побежала в сторону дежурных.

Через 4 часа раздался громкий детский плач.

Ливень прекратился.

Испещрённая июльской засухой земля вздохнула с облегчением.

«Она нужна в этом проявлении» — старуха опять появилась перед женщиной под утро, в пробивающемся свете поднимающегося солнца между деревьями.

Женщина была изнемождена тяжёлыми родами раньше срока.

— Спасибо, бабушка! — еле шевеля губами произнесла она.

— Ты уже отблагодарила.

Старуха растворилась в тумане...

Эпизод 2. Исчадие тьмы и света

— Не смотри на меня своими ведьминскими глазищами! — пожилая дама, стоявшая рядом с бабушкой, зыркнула на 5-летнюю меня, которая вообще не понимала, зачем её притащили на вечернюю службу в храм и почему эта тётка такая злая.

Ещё раз подняла на неё свой недоумевающий открытый взгляд, тонкая кривая свечка в её руке потухла, тётка перекрестилась и, расталкивая локтями людей, выбежала из церкви. Я заплакала. Бабушка, не останавливаясь в распевании молитвы, прижала мою голову к своему бедру и провела два раза ладонью по волосам.

— К Меланье её надо отвезти, пусть та посмотрит, — на кухне в бабушкином доме за столом сидели три женские фигуры, основной свет не горел, их лица оттеняли свечи, фигуры разговаривали шёпотом. Но я слышала каждое слово.

— Она явно непростая, попроси завтра Сергея, пусть отвезёт её в Водолей. А Меланья сама разберётся, советы даст, — слишком громко шептала другая женская фигура.

На следующее утро никуда меня не повезли. Калитка в 7 утра заскрипела, и в дом с тремя плетёными корзинками вошла сама Меланья. Я уже сидела в пижаме на подоконнике и отгоняла взглядом собак от загнанного в угол уличного кота. Она зашла в мою комнату, поставила посередине комнаты табурет и зычным голосом, от которого я вздрогнула и отвлеклась от кота, приказала мне сесть.

Я молча повиновалась. Она обошла меня по часовой стрелке, потом встала сзади и положила руку на затылок. От руки меня словно пробил током, поднялись корни волос, и я почувствовала огненный жар, разливающийся по всему детскому тельцу. Голову закружило. Рука спустилась с головы на уровень грудной клетки. Меня снова пробил током. Меланья обошла меня опять вокруг, встала спереди, взяла за подбородок, я подняла взгляд и отёрнулась. В её зрачках играло и переливалось всеми цветами радуги пламя.

— Отдайте её мне, года на два хотя бы, у меня хозяйство большое, прокормлю, ей надо сейчас быть со мной, здесь загубят дар, отдайте, — снова слышался громкий шёпот с кухни.

— Нет! — шёпот вдруг превратился в крик.

— Ну как знаете! — Меланья хлопнула дверью и исчезла за забором, возле которого на ветке дуба сидел спасшийся от собак кот.

Через неделю меня должны были забрать с каникул от бабушки. Лето подходило к концу. Я по любимой привычке сидела на подоконнике. На улице к вечеру непогодилось, дуб раскачивался от ветра, вода стекала сплошным потоком по стеклу. Периодически кухню озаряло дневным светом. Где-то в глубине дома гудел телевизор. А я, прижавшись лбом к холодному стеклу, рассматривала структуру капель. Вдруг вспышка света озарила дуб, и следом послышался хлопок, от которого заложило уши. По стволу дуба пошла огромная трещина и его стало клонить в сторону дома. Скорость падения увеличивалась. Я смотрела как замороженная и не могла пошевелиться. Ветки уже касались крыши, ствол завис над окном и стоял громкий треск. Я смотрела на падающее дерево и не моргала. В ту же самую секунду траектория падения сменилась, и дуб рухнул на сарай, стоявшие справа от дома. Задрезбуждала посуда и стёкла.

Оторвала взгляд от окна.

За мной молча стояла бабушка с почему-то побелевшим лицом. Она перекрестилась и также молча ушла опять в зал.

Потом за мной приехали. Бабушка и мать очень долго и эмоционально разговаривали, пока я объедала сливу, сидя на нагретой августовским солнцем крыше гаража. Внизу дед распиливал остатки от упавшего дуба и что-то напевал себе под нос. С другого конца улицы к дому шла соседка, мне она почему-то была неприятна.

— Смотри, свалишься, ноги себе переломаешь, будешь знать и жить инвалидом! — крикнула она мне, открывая задвижку забора.

Я посмотрела на неё и ничего не сказала.

Она, что-то пробурчав, открыла калитку и споткнулась возле клумбы с пионами, подвернув босую ногу в калошах.

— Исчадие ада! — слышалось снизу.

И калитка закрылась.

— Не слушай этих мерзких завистников, ты — дитя света, — дед отложил пилу и поднял голову к сливе, прищуриваясь по-доброму от солнца.

Я спрыгнула с гаража, подбежала к нему и обняла.

— Катарина, иди собирай свой чемодан! У нас скоро поезд, — крикнула из окна мать.

Эпизод 3. Злые люди

Ребёнок лежал в колыбели и мирно сопел. Пожилая стройная женщина покачивала медленно колыбель ногой и параллельно читала книгу. В дверь позвонили. Она спустилась в коридор частного дома. У высокого старого дуба возле двери стояла грузная тётка, которая держала в руках кулёк. Тётка протянула его женщине:

— Надьк, слышала у тебя внучка родилась, вот ей вещи от моих внуков на вырост хочу передать.

— У нас всё есть, спасибо.

— Да возьми ты, пригодится! А то обижусь ..., — тётка буквально впихнула свёрток в руки и спешно удалилась за ворота.

Женщина поднялась обратно в дом, развернула свёрток. Там были полинявшие колготки и штаны на ребёнка лет трёх. Она брезгливо поморщилась, завернула обратно, сняла с шеи крест, вложила его внутрь и запрятала всё подальше в шифоньер.

Время шло. Ребёнок рос.

Шифоньер требовал ремонта. И случайно обнаружился тот самый свёрток в глубинах полок. Развернув его, женщина громко ахнула, попятилась назад и, хватаясь за сердце, села на диван-книжку в углу комнаты. Между этих застиранных колгот лежал переломанный напололам крестик.

Она сгребла всё в охапку, выбежала из дома, скинула всё в глубокую бочку на заднем дворе и кинула туда зажжённый кусок бумаги. Свёрток вспыхнул, задымил чернотой и через 10 минут потух. Крестик так и не расплавился. Тогда она подняла его со дна металлической бочки, обернув руку тряпкой, зашла в дом, набросила на плечи синий дождевой плащ, надела цветастый платок и выбежала со двора.

— Батюшка, что это значит? Неужто наговор? Колдовство же чистой воды! Да как можно то? На ребёнка новорожденного такое делать?!

— Люди злые, и не время сейчас такое, они всегда злыми были, чужие радости поперёк горла встают, сюда ко мне приходят и свечки вверх тормашками ставят, — ответил ей священник, забирая остатки крестика и поглаживая его рукой, словно то было его чадо, — я помолюсь за ребёнка, не волнуйся, ступай домой.

Эпизод 4. Знакомство

— Не пуцу! Папа, не нужно тебе туда ехать! Остайся! — я висела на левой штанине отца как обезьяна и визжала на весь дом.

— Папе надо ехать в командировку, его дядя Петя ждёт внизу в машине, папа едет зарабатывать деньги, чтобы тебе покупать всё, что ты хочешь, отпусти его, — мать пыталась отцепить меня от этой несчастной штанины, но моя хватка была сильнее.

— Нет, не нужно ему туда! Все погибнут!

— Что ты такое несёшь?! Прекрати сейчас же, а то накажу, неделю в углу стоять будешь без мультиков и шоколада.

— Вы не понимаете!

Меня резким рывком отцепили от штанины, и отец скрылся за дверью, обитой бежевыми лакированными рейками. Я молча села на диван, обняв подаренного отцом любимого медведя, с которым не расставалась. Так и просидела, надув губы и отказавшись от ужина и просмотра мультфильмов, до полуночи. Через час мы подскочили от телефонного звонка, мать подбежала к телефону в сорочке, взяла трубку и вдруг с трубкой у уха села на пол.

— Как? В смысле все, кто был в машине? Где он???

Трубка осталась лежать на полу. Она вскочила, схватилась за волосы, начала бегать хаотично по квартире, потом накинула пальто на сорочку, всунула голые ноги в ботфорты и убежала в ночь, захлопнув громко дверь.

Я же осталась сидеть на кровати под светом ночника. И прекрасно знала, что только что произошло. Сердце бешено колотилось, хотелось убежать вслед за матерью, вообще куда-то убежать, но знала, что надо оставаться здесь и ждать. С папой всё хорошо. Он жив.

Единственный, из всех, кто был с ним в машине.

Из-за красной бархатной шторки вдруг вышел солидный темноволосый мужчина в костюме. Он присел рядом со мной на кровать, отодвинув в сторону одеяло:

— Ты очень просила оставить папу, я его оставил, — он протянул руку и потрепал меня за голову, от его руки шёл жар сильнее, чем от зимней батареи, — я почему-то не испугалась.

— Спасибо, я люблю папу, пусть он живёт долго.

— Он проживет дольше. Не перегибай только с просьбами, — на этой фразе мужчина встал, сверкнул глазами и скрылся за шторкой.

Прижала к себе сильнее медведя и так просидела до утра.

Утром открылась дверь, в квартиру вошли много людей и запах мороза, они затащили отца с забинтованными рёбрами, уложили его на кровать, натоптали грязными ботинками и вышли. Мать села рядом с ним и долго гладила за руку.

— Что ты тогда видела? — она зашла на кухню, где я выскребала со дна баночки клубничный йогурт.

— Ты не поверила.

— Сейчас верю, расскажи.

— Нет.

Я молча удалилась в зал, где демонстративно села рисовать.

— В Пензу поедem весной, оставлю там тебя ненадолго.

- Это наказание? — я подняла глаза с мольберта на неё.
- Нет, это попытка разобраться, и не смотри на меня так.

Эпизод 5. Проклятье

Девушка стояла за прилавком галантерейного отдела большого советского универмага и упаковывала в пергамент аляпистый галстук для импозантного мужчины в шляпе, который не стеснялся с ней флиртовать, несмотря на наличие кольца на безымянном пальце. Она смущённо улыбалась и делала вид, что увлечена работой.

— Женщина, проходите следующая! — не поднимая глаз на очередь, крикнула она, получив рубли от мужчины и складывая их в кассовый ящик под прилавком.

— Я не женщина! Я девица! — очень громко вскрикнула следующая покупательница так, что гул универмага превратился в звенящую тишину.

— Простите, на вас не написано. Брать что-то будете? У меня очередь.

«Девица» нагнулась через весь прилавок и максимально приблизившись к лицу девушки, зыркнула на неё и начала злобно шептать, разбрызгивая в стороны слюнями:

— Душу твою забрать хотела... Хотя, нет... Душу ребёнка твоего заберу!

— У меня нет детей, — фыркнула и рассмеялась девушка.

— Ты никогда не родишься! Никогда! — и «девица» растворилась в толпе.

Девушку пробил озноб. Она не верила в эти сказки. Но вдруг холод сковал тело, и её затрясло.

— Татьяна, подмени меня, мне что-то не здоровится.

Она зашла в коморку за стеллажами, присела на стул, отхлебнув холодного чая из кружки в белый горох. Чай встал в горле. Эхом в голове проносились слова этой черноглазой странной «девицы».

Вечером она лежала головой на коленях у своей бабушки, как любила делать с детства, когда хотела успокоиться, и рассказывала эту необычную историю. Бабушка, укрыв её шалью, гладила нежно по длинным золотистым волосам и задумчиво смотрела в угол комнаты. Потом резко встала, переложив голову внучки на перьевую подушку, и подошла к старому резному комоду, отодвинула нижний ящик и достала оттуда увесистую книгу.

— Ты что делать собралась?

— Проклятье с тебя снимать.

— Ты с дуба что ль рухнула, Ба? Какие проклятья?! Мы в Советском союзе живем, Гагарин в космос летал и ничего там не увидел! Ещё скажи, что веришь во всю эту чепуху! Не позорь меня.

— Верю, Любонька, верю. И знаю, про что тебе говорю.

— Ещё скажи, что ты колдунья.

— Да, как и ты.

— Ой, пошла я домой, рехнулась ты совсем на старости лет, как та полоумная в универмаге, слышать ничего не хочу!

— Ну как знаешь, придешь ко мне потом просить, когда меня уже не станет.

Последних слов девушка уже не слышала, выпорхнув из покосившегося временем деревянного домика, чуть не наступив на спящую под крыльцом собаку.

Эпизод 6. Второе знакомство

— Долго ещё? — я прижалась носом к запотевшему стеклу автомобиля моего дядьки, который вёз нас через какие-то дебри и ливень в деревню Водолей, где жила Меланья.

— Не ной, скоро приедем.

— Ты уже час назад это говорил, а чаша не заканчивается.

В этот момент машина, поднимавшаяся на пригорок, застряла колесом в глубокой колее и стала буксовать.

— Дядь Серёж, я писать хочу!

— Ну иди вон в кусты, далеко от машины только не уходи, места глухие, потом не найдёмся, мать твоя меня живого закопает, я сейчас пока раскатаю машину и вытащу из этой чачи.

Я перепрыгнула грязную колею и оказалась в мокрой высокой траве, не испачкав кеды, накинула капюшон от кофты, шагнула за разлапистые ели, сделала три шага вперёд и присела в кустах папоротника. Моё внимание привлёк мягкий свет, прятанный за елями. Он словно манил меня и я, наплевав с высокой колокольни на предупреждение дядьки, как безмозглый мотылёк, пошла на него, слыша как сзади рычит двигатель машины и раздаётся на весь лес благой мат.

Отодвинув влажные еловые лапы, я увидела небольшую поляну, посередине которой был разведён высокий костёр. Поляну прикрывали сверху плотные сплетённые между собой ветки. И на ней было сухо. Искры от костра долетали до меня и гасли на кофте с Русалочкой. Вокруг костра никого не было. Даже следов. Трава не была примята. Я осмотрелась по сторонам и не почувствовала опасности. Сзади также было слышно мат дяди Серёжи. Он видимо так увлёкся спасением машины из грязевого плена, что забыл про меня в кустах.

Я прошла ближе к костру и присела на бревно около него. Бревно было сухим и тёплым. Я протянула руки к огню и погрузилась взглядом в пламя.

Слева зашуршали кусты, я дёрнулась было бежать со всех ног, но оттуда вылетел филин. Он сделал вокруг меня два полных круга, потом сел на плечо и громко ухнул на ухо. Я вздрогнула. Он не улетел. Тогда подняла вверх согнутую в локте руку и провела ею по перьям. Он снова ухнул, только тише. И потёрся головой о мой висок.

Сзади раздался треск ломающихся под ногами веток. Я вскочила и спряталась за ель.

Филин всё ещё сидел на плече. Тут из кустов вышел дядя Серёжа с озадаченным лицом:

— Катарина! Катарина! Куда пропала то, мелкая?!

Я вышла ему навстречу, он влепил мне подзатыльник и велел бегом мчать к машине, попутно клянясь больше не брать меня, бедовую, под свою ответственность. Хотела было ему показать костёр и познакомить с филином. Оглянулась на поляну. Но никакого костра на ней не было в помине. Даже его следов. Посередине валялось треснувшее, влажное и покрытое мхом бревно.

Через 20 минут наша грязная машина выбралась из грязного леса. Уже стемнело. И вдали показалась небольшая деревушка, в которой светились окна трёх домов, а из труб валил дым. Мы подъехали к самому крайнему дому, за которым уже расположился глубокий овраг.

Штора в окне дёрнулась и навстречу нам вышла Меланья, в телогрейке, шерстяных носках по колено и резиновых галошах.

— Передал в целости и сохранности, приеду через пару недель, что тебе из города захватить? — дядька высадил меня прямиком в лужу, из которой я шустро была перехвачена этой странной бабушкой.

— Конфет привези, «Родные Просторы», обожаю, а в наше Сельпо их не возят, «Рачки» и «Подушечки» уже поперёк горла стоят.

— Ну проходи, родная, знакомься с домом, — она легонько подтолкнула меня в плечо, и я опять почувствовала этот ток, идущий от её рук.

В сенях я споткнулась чуть ли не на ровном месте и услышала сзади себя:

— С домом здороваться надо, чтобы он тебя с добром то принял!

— Здравствуй, Дом и духи Дома. Я — Катарина.

— Прходи уж, я пошутила, а может и не пошутила, там пирожки стынут — и она юрко проскользнула мимо меня в другую массивную дверь.

Это была обычная русская изба, с огромной печью, объединяющей вокруг себя две светлицы и кухню. По углам горели керосиновые лампы. Было чересчур жарко и уютно. На кухонной грубо сколоченной лавке дремал полосатый большой кот, он открыл один глаз, когда я хлопнула дверью, оценивающе меня оглядел и снова его закрыл. Я присела рядом с этим котом. Меланья положила передо мной глиняную миску с пирожками и стакан молока. Я, изголодавшись с дороги, жадно припала к молоку, облив им кофту с Русалочкой.

— С другом своим познакомилась уже?

— С кем? — я чуть не подавилась пирожком с мятой картошкой.

— С другом своим пернатым, тебе не показалось. Верь всему, что видишь, слышишь и чувствуешь, в этом твоё отличие. И это будет расти вместе с тобой. Привыкай. — она прижала мою голову к своей груди в телогрейке и стала гладить по спине, а я почувствовала одно, что сильно устала и хочу спать. Слишком много впечатлений для одного дня.

Проснулась я уже на печке, закутанная в яркое лоскутное одеяло. Печка увлекала в свои тёплые объятия так, что не хотелось с неё вставать. В тот момент стало понятно, почему былинный Илья Муромец провалялся на ней 30 лет и 3 года.

Перевернулась на другой бок и увидела перед собой на подушке дремлющего нахохлившегося филина.

Эпизод 7. Сила

На танцполе районного клуба было тесно и душно. У советской молодёжи пятничным вечером это было топовое развлечение: завить накануне бигуди, сшить платье по модным выкройкам, достать по благу красивые туфли, навести марафет и двинуть после рабочей недели всей гурьбой на танцы.

Девушка оглядела темный зал, периодически освещаемый диско-шаром. Подружка Маринка кадрила красавчика из «элиты». К ней самой пристроился какой-то неряшливый деревенщина в вельветовых штанах и старался изо всех сил привлечь внимание. Скучно. Охота домой.

Она вышла из Дома Культуры, торопливо спустилась по мраморным полуразбитым лестницам вниз к парку. На улице тоже стояла духота. От асфальта поднимался вечерний пар. Внезапно подул лёгкий ветерок и растрепал её длинные рыжеватые кудри. Она подставила лицо ему навстречу и вдохнула полной грудью. Захотелось пройти по аллее. Из ДК громко доносилась музыка, на улице было ни души. Каблуки громко резонировали в этой тишине. Кроны сплетались над головой и образовывали арку. Она неспешно цокала каблуками и смотрела на кроны.

Как кто-то сзади резко схватил её за волосы и потащил влево, в густые заросли колючей акации. Она не успела даже испугаться. Ветки кололи лицо и оголённые руки. Эта сильная рука толкнула её вперёд, и она упала на бок в траву. Над ней нависла крупная фигура высокого и плотного мужчины. Лица не было видно. В этой части парка хулиганы повыбивали все фонари.

— Раздвигай ноги! А то хуже будет! — неожиданно высоким женообразным голосом крикнула эта крупная фигура.

Девушка попыталась опереться на руки и сбить его с ног. Не получилось. Он навалился всем телом и принялся задира́ть подол платья. Она укусила его со всей силы за нос, он заорал и схватился за повреждённый участок. Она, столкнув его с себя, пнула под пах. Он заорал громче и схватился уже за ту часть, что заболела сильнее. Она встала на ноги, сбросила туфли и принялась бежать. Но на пути из этих колючих зарослей рука опять схватила её за волосы и снова кинула на землю. Коленка ударилась о торчащие корни дерева, содралась кожа и в рану заби́лась грязь. Тело снова навалилось сверху.

Стало по-настоящему страшно. Она пыталась закричать, но он грубо закрыл ей рот потной грязной солёной рукой. Попытки кусать провоцировали его засовывать эту мерзкую руку глубже.

В этот самый момент она закрыла глаза, перестала сопротивляться и была уже готова ко всему. Но вдруг что-то изменилось. В голове пронеслись слова какого-то заклинания, секундной вспышкой она увидела перед собой силуэт своей бабушки, которая шептала: «Поверь в силы», и тут же силуэт исчез. Девушка открыла глаза, взглянула на эту темную грузную фигуру, пытавшуюся стянуть с неё бельё, схватила его за руку и громким властным голосом, от которого вздрогнула сама, сказала:

— Встань!

Мужчина повиновался и встал.

— Смотри на меня!

Луна пропустила свои лучи через густые кроны, стало видно его одутловатое лицо и маленькие глупые глазёнки, прямо уставившиеся на неё.

— А теперь иди на север и не останавливайся, пока не сотрёшь своих ног! Иди и не возвращайся никогда в этот город! Если тронешь хоть одну женщину — сдохнешь!

Мужчина развернул корпус вбок и пошёл.

Она не могла поверить в происходящее и в то, что сейчас говорила она сама.

Через полчаса вернулась к ДК. Вокруг по парку с фонарями ходили люди, а возле здания нервно курили её друзья.

— Мы уже дружинников вызвали, потеряли тебя, извелись тут на нервах. Ты где шлялась?

— Гуляла, — сказала она, вытирая низом платья грязную коленку.

Эпизод 8. Тёмный лес

Меланья шагала впереди, раздвигая своей коричневой юбкой в стороны высокие полевые заросли. Я плелась сзади и отвлекалась на всё: выпрыгивающих передо мной встревоженных кузнечиков, разбегающихся в стороны ящерок, спускающихся в охотничьем пике за полёвками крупных птиц... Солнце с каждым днём припекало всё больше. Поле распускалось цветами всех оттенков и источало неземной аромат, смешанный с запахом ещё свежей, невыжженной травы. Вдали в гору поднимался тёмный, почти чёрный лес. Меланья запретила пока мне туда гулять.

Но зудело нарушить запреты нещадно.

Дорогу нам перегородил широкий ручей, прозрачная вода бежала в нём торопливо, спешила куда-то, огибая крупные камни, было видно глиняное дно. Я задрала штанины и ступила в воду. Ноги тут же сковало арктическим холодом. И я выскочила на другой берег как ошпаренная. Кожа от переохлаждения стала гореть.

— Почему он такой холодный?

— Родниковый потому что, из земли бьёт и вот так по камушкам растекается. Мы с тобой из него же в колодце воду черпаем, только под нашей избой он глубоко пролегает. А тут вот наружу вылез, солнышком полюбоваться и травы омыть.

— Ой, а у меня тут ранение, — обратила я внимание на кровь, струящуюся красной нитью по моей щиколотке. Видимо, задела об острый камень и не заметила этого в холодной воде.

Она погрузила руку в ручей, подняла оттуда со дна шматок глины и приложила его к ране, пробурчав что-то себе под нос про красную руду.

— Пока гуляем, затынется. Ступай вперёд. Я наберу душицы, разрослась нынче, будет женские хвори лечить весь год.

Я увлеклась и ушла слишком далеко, вплотную подойдя к этому Чёрному лесу.

Деревья в нём росли слишком плотно, поднимались резко в гору, проглядывалось много бурелома, пахло сыростью и тянуло резко холодом. Любопытство сжирало поедом.

Что же там такого, почему мне нельзя туда? Подняла правую ногу, чтобы переступить муравейник и зайти хоть на один шажочек. Но вдруг что-то огромное на нечеловеческой скорости пронеслось передо мной через кусты, показалось будто сверкнули глаза, и это нечто удалилось вглубь леса, ломая на пути ветви.

Не помню совсем, как добежала до места, где над зарослями поля виднелась коричневая юбка. Добежав, я вцепилась сзади в подол согнувшейся фигуры и пыталась отдышаться.

— Не послушала меня? — Меланья поднялась из неприличной позы с охапкой фиолетовых соцветий.

— Не послушала.

— Ну вот, будешь знать теперь, что не просто так запреты существуют. Знаешь, что с любопытной Варварой на базаре сделали?

— Знаю. Не надо трогать мой нос — я потянулась испуганно к лицу.

На моё левое плечо приземлился филин.

Эпизод 9. Любовь

Девушка сидела над личным дневником, на клетчатые листы записной книжки приземлялись солёные капли и размазывали чернила, создавая причудливые узоры вокруг рукописных букв.

«Саша не приехал. У нас была договорённость! Ну как он мог предать меня в очередной раз?! Неужели я настолько ему безразлична? Неужели все его слова и обещания были ложью, лишь потешить своё мужское эго? Как я могла поверить его словам. Прождала три часа как дура под ливнем на вокзале. Поезд пришёл без него... Ненавижу!...»

Тонкая рука захлопнула записную книжку и швырнула её в угол комнаты.

Девушка разрыдалась в голос, упав головой на стол и рассыпав по нему длинные золотистые локоны.

Ливень бился истерично в окно. Дуб шумел ветками и задевал ими крышу дома.

В окно постучали. Она отодвинула штору, внизу стоял он, промокший до нитки, и держал в руке коричневый чемодан из кожзама. Сердце бешено заколотилось.

Накинула на плечи шаль и выбежала на улицу.

— Любонька! Я вышел не на той станции, прости меня. Теперь ничто нам не помешает. Ничто!

Он бросил чемодан в лужу и закружил её. Сверху на них падал дождь, стекая по лицу и волосам.

— Пошли скорее в дом, я согрею чайник! Боже, ты всё-таки приехал... Даже не верится!

Только тише, не шуми, мои все спят.

— Больше всего на свете я хочу быть с тобой и чтобы ты родила мне дочь, с того самого момента, как увидел тебя тем утром, с тех пор не могу ни о чём думать, поэтому я здесь, поэтому я свободен. Керамическая кружка в его руке треснула пополам, чай пролился на ноги, осколки керамики разлетелись по кухне.

Он кинулся собирать осколки, пока она вытирала пролитый чай, и порезал пальцы.

— Чертовщина какая-то! — он ругнулся матом, выбросил осколки в корзину и вышел под дождь с сигаретой.

— Ты веришь в мистику? — он вернулся с улицы с неожиданным вопросом.

— И ты туда же... — она глубоко вздохнула и нервно заходила по кухне с приглушённым светом, — я не знаю, мне кажется, что советская наука зашла слишком далеко и верить в эти архаизмы глупо, уже всё доказано учёными, люди были в космосе, нет никаких сверхъестественных сил, всё объясняется наукой.

— А я вот верю. Меня не раз спасала некая сила, когда ситуация уже была на грани, не знаю как это назвать: богом или мистикой, но что-то есть, невидимое и сильное. Светлана такими проклятиями сыпала, когда я уходил. Мне страшно стало. Я даже в храм ходил, на всякий случай, так, для собственного спокойствия. Верю, почему-то. Вот может и глупым тебе покажусь. Но верю.

— А я нет. И не убедите вы меня в этом.

— Вот как ты можешь так уверенно утверждать, не допуская мысли, что существует ещё нечто недоказанное, но что позже докажут. Неужели у тебя не было ситуаций, где всё казалось фантастическим, чего не могло быть?

— Были. — она резко встала к окну, изменившись в лице.

— И неужели они в тебе не засеяли зерна сомнения, что всё не так, как нам кажется? Что есть нечто большее? Ладно, прости, я, наверное, тебя оскорбил этим разговором, — он обнял её сзади за плечи.

В светильнике лопнула единственная вкрученная лампочка, и кухня погрузилась в темноту.

Она вздрогнула.

Эпизод 10. Знание

Меланья заставила меня толочь в ступе сушёный хвощ и лопух для изготовления мази от кожных болезней. Меня эта монотонная работа не сильно вдохновляла, и я уже считала дни до приезда дяди Серёжи за мной. Эта знахарская придурь казалась мне бессмыслицей, зачем толочь травы, делать отвары, настои и мази, если можно доехать до аптеки и купить там лекарства с научно доказанной эффективностью. Я не понимала, зачем эта пожилая дальняя родственница таскает меня по лесам и полям и учит собирать травы. Не понимала, зачем она учит смотреть меня в огонь и искать в пламени ответы на вопросы. Не понимала, зачем мне знать все эти шепотки и заговоры. И что я вообще здесь делаю, когда мне хочется общаться с ровесниками. За что они все во мне зацепились, о чём шепчутся на затемнённых кухнях и чего хотят от меня добиться? Я же обычный ребёнок. Да, иногда предсказываю события. Но неужели у них нет этого предчувствия? Это же так просто. Так просто знать. Так просто чувствовать. Что в этом странного?

Люди в течение дня приезжали к ней толпами на машинах и приходили пешком через лес. Человек 5—7 за день. Привозили и других людей в инвалидных колясках, и детей. Приезжало много заплаканных нервных женщин. Кому-то она раскидывала карты, постелив на кухонный стол расшитую скатёрку. Кому-то давала банки с непонятными жидкостями, на которых неразборчивым размашистым почерком было что-то написано на приклеенном рваном клочке пожелтевшей бумаги. С кем-то она закрывалась в спальне, и мне нельзя было туда заходить.

Они везли ей пакеты с продуктами, вещи. Кто-то оставался подсобить по хозяйству и на огороде. Я вышла в сени за пучком травы, сушившимся на растянутых по всему периметру верёвках.

Зашла обратно и увидела сидящего за столом пожилого мужчину.

— Здравсьте. Вы на приёме? — небрежно спросила я, привыкнув за эти дни к чужим людям в доме, и не подумав о том, как он мог пройти мимо меня в сенях так, что я его не заметила.

Мужчина промолчал.

Его лицо показалось мне каким-то знакомым, наверное уже заходил на днях.

— Скоро она придёт. Чаю будете?

Мужчина продолжал молчать и смотреть на меня.

Немой или просто хам невежливый, подумалось мне.

Я прошла на кухню и поставила на электроплитку алюминиевый чайник, покрытый толстым слоем нагара. Вышла из-за печи, но мужчины уже за столом не было. Я обошла двор, никого там не увидела. Снова зашла в дом. Прошла в спальню, там тоже никого не было, но мой взгляд упал на портреты над кроватью. С одного из портретов на меня смотрел этот мужчина. Мне стало почему-то холодно.

Дверь открылась, я подскочила на месте.

Это была Меланья, она занесла две плетёные корзинки с каким-то банками и с тяжелым вздохом поставила их на лавки, спугнув полосатого кота.

— Чего ты тут, бездельничала опять небось? — она прошла ко мне в комнату, где я стояла всё ещё уставившись на портрет.

— Кто это?

— Муж мой покойный, Николай. Ты его ещё не застала. Погиб давно. С тех пор одна вот верчусь. Любили мы друг друга, ух! Страсть никогда не гасла. Всем бы такого как Коля.

— Походу застала ... — я попятилась испуганно на кухню. Стало ещё холоднее.

Она присела ко мне на лавку и обняла за плечи.

— Приходил что ль проведать?

Я молча закивала, думая про то, что хочу уехать отсюда ещё сильнее.

— Да не бойся ты. Он с добром. Знакомился с тобой. Стихия смерти тоже тебе понадобится, как работа с другими стихиями, когда дар свой примешь. Нечего там бояться. Всё те же энергии. Да не трясись ты так. Привыкай ко всему, что видишь. Не просто так тебе это показывают.

— Почему я? — вдруг резко вскочив с лавки, я встала около печки, охваченная внезапным чувством несправедливости, — я хочу быть нормальной! Не нужен мне этот Дар, как ты его называешь! Не нужен! Фигня это всё! Сказки!

— Не принимай. Я тебя не заставляю. Придёт время, он тебя сам нагонит и уроки преподаст. И вот тогда вспомнишь всё, чему я тебя учила.

Я хлопнула дверь и выбежала в слезах на улицу.

Начинало темнеть.

Ушла за баню, села на землю и зарыдала. Вдали виднелся тёмный лес. Из оврага доносился вой. Ко мне подбежал крупный щенок и присел рядом в кошачью позу «буханки». Я протянула руку и прошлась по его шерсти, которая показалась мне слишком грубой. Щенок встал, посмотрел мне в глаза, я потрепала его за голову. Он присел поближе, положил голову мне на колени и заскулил. Я продолжала сидеть, прислонившись к заросшей мхом стене из сруба, вытянув ноги. Из кустов вышел другой зверь, покрупнее. Самка. Она подняла голову к небу и громко завывала. Щенок поднял свою голову с моих коленей и подошёл к этой самке. Луна вышла из-за тучи, я разглядела животных и поняла, что это не собаки.

Самка ткнулась носом в щенка, он убежал в кусты, а она направилась ко мне. Я перестала плакать. Слезы засохли на лице. Щёки от солёных выделений чесались. Она вплотную приблизилась ко мне и обнюхала. Горячее дыхание из пасти контрастно ощущалось на моём заплаканном мокром лице. Интуитивно я положила руки на колени ладонями вверх. Она села рядом, вдруг разместила в мои ладони свою морду и закрыла глаза.

Из-за бани вывернула Меланья, злобно шикнула на самку, и та убежала в овраг, опустив хвост.

— За что ты так с ней? Мы разговаривали. Она хорошая.

— Пусть знает, кого уважать и бояться. А то выгоню их семейство из оврага, будут знать. Я смотрю, ты тут у меня всамделе одичала, с волками дружбу завела. В город тебе надо возвращаться. Маловата ты ещё для Знания. Само придёт. Не время.

Эпизод 11. Избавление

— Ты никогда не разродишься! — злобное лицо черноволосой женщины громко смеялось, обнажая полугнилые зубы, её слюни разлетались в стороны. Она нависла над лицом девушки и расхохоталась ещё громче.

Девушка подскочила на кровати. Полнолуние навязчиво просилось в спальню, проникая в каждый её угол. Было зябко. С окна дуло. Она накинула халат на спину, не подвязав его, и вышла подышать.

Под яблоней отчётливо вырисовывался женский силуэт в длинном платье.

Силуэт задвигался и вышел под лунную дорожку. Девушка вздрогнула.

— Это ты?

— Не узнала что ли?

— Но ты же...

— Да.

— Но как?

— Ты не хотела меня раньше слушать, сейчас бы таких вопросов не задавала.

— Я наверное сплю, это всё мне снится! Точно, надо проснуться, — она стала щипать себя за руку.

— Ты не спишь. Тебе нужна помощь. И только я могу помочь. Жду тебя завтра, ты будешь знать, что делать, тебя поведут, если доверишься и примешь знание.

— Какое знание?

Силуэт повернулся спиной и скрылся опять за яблоней.

Она бросилась в ту сторону, обошла весь палисадник, но никого там не было, кроме свернувшегося клубком на лавке возле сарая камышового кота, встревоженного торопливыми шагами.

Она так и не уснула, просидев до рассвета с кружкой чая на той самой лавке возле спящего кота. В голове всплывали диалоги, картины из прошлого. Она пыталась уложить это всё воедино, чтобы получить ответ. Не складывалось, либо она до такой степени это отрицала, что не хотела сложить. Да, она боялась получить ответ, который и так знала.

В 9 утра умылась, собрала волосы в хвост, натянула трикотажный костюм кораллового цвета, вызвала с таксофона возле магазина такси и через 30 минут оказалась на кладбище. Пройдя заросшими тропинками, она по памяти нашла то самое дерево, которое выделялось на общем фоне своим причудливо изогнутым стволом. Под ним находилась могила её бабушки. Бабушки не стало около 5 лет назад, спонтанная нелепая смерть 68-летней женщины по халатности врачей.

Именно тогда, после этой тяжёлой потери человека, который ей был до такой степени близок, который так её понимал, к которому можно было прийти в любое время суток, положить голову на колени и получить молчаливое принятие, именно тогда она решила стать врачом, поехала поступать в другой город на медицинский и познакомилась с ним. Ей хотелось, чтобы как можно меньше чьих-то любимых бабушек умирали по чьей-то халатности.

— Привет! — она присела на корточки и обняла гранитное надгробие, — Я пришла.

Слезы заполнили глаза и вышли из берегов век, скатываясь вниз от выраженных скул к губам.

— Я, кажется, поняла, что ты пыталась донести мне всё это время. Прости, что не верила. Мне это на самом деле казалось абсурдом. Ну какая магия в 20 веке?

Налетел резко ветер и нагнал облаков, кривое дерево закачало своей кроной.

— Прости. Прости. Не хотела обидеть. Но мне на самом деле сложно поверить. Хотя сейчас, вспоминая все разговоры с тобой, твои глаза, твои руки, я понимаю, что ты была далеко не обычной бабушкой. Наверное, это и есть какие-то силы, магнетизм. Что мне сейчас делать? Ты же знаешь мою проблему. Как мне её решить?

Она всем телом облокотилась на гранит, обняв его двумя руками, прислонила голову и закрыла веки. Опять возник образ женщины в длинном коричневом платье. Она стояла сзади и гладила её по волосам.

— Тебе ничего не надо делать. Всё уже сделано. Ровно через год появится она. И тебе надо будет принять её вместе с тем, что проявится в ней. Моя сила, сила моей сестры Меланьи и силы наших праматерей объединятся в ней одной. Тебе будет тяжело. Но такова цена, которую придётся заплатить. Я помогу и сопровожу её пришествие.

Девушка открыла залитые солёной влагой глаза.

Ветер стих и облака разбежались.

Сверху сверкало синее небо и летал филин, который сел на камень, что-то крикнул два раза и скрылся вдали.

Эпизод 12. Бегство

Я гнала от себя всё: видения, подсказки, сны. Вокруг меня сигнальными огнями мигала Вселенная. Alarm! Alarm! Я зажмуривалась, отталкивала, открещивалась. Мне хотелось драться со всем миром, точнее, мирами. Хотелось одолеть их всех за право быть нормальной. Не видеть и не чувствовать всего этого. Я жаждала влюбляться, мечтать о поездке в Париж и красивых платьях. Мне не хотелось заходить в чужие квартиры и знать, что скоро там случится беда. Тем более предупреждения не работали, беды случались, а на меня смотрели как на прокажённую сторонились. Поэтому я перестала предупреждать. Мне хотелось других более восторженных взглядов, как на хорошенькую девушку в благоухании молодости. Которой я по сути и являлась.

И мне казалось, что если бы не эта моя странность, то всё сложится иначе. Легче и проще. В чём-то я конечно была права. Только тогда ещё не понимала, что можно жить в лёгкости и с даром, если принимать его как часть себя и не заострять внимание, а жить. Влюбляться и мечтать о Париже.

Той ночью плохо спалось. Накануне ещё маячили выпускные экзамены, к которым я совсем не была готова. Меня, как нормального подростка, манили прогулки с друзьями, парни и концерты рок-звёзд. Майские праздники ещё дразнили вылазками на шашлыки. Ну какие тут экзамены? Когда симпатичный знакомый из дома напротив зовёт тусоваться к себе на дачу. Интуиция естественно кричала о том, что делать мне на этой даче нечего. Опять этот Alarm! Alarm!

Ну где чёртов пульт от голоса подсознания?

Полуразбитая грязная «десятка» красного цвета притормозила около двухэтажной кирпичной дачи за деревянным слегка покосившимся забором. Участок был неухоженный и заросший сорняком по пояс. К дому вела протоптанная через траву тропа. По бокам валялись пластиковые бутылки из-под пива и скомканные пачки сигарет. Из «десятки» вывалилась компания из 7 человек, 4 парня и 3 девушки. Одной из них была я. Светлый спортивный костюм на мне уже помялся и испачкался, пока я ехала в машине, зажатая со всех сторон парочками. Люди уже по дороге туда пили пиво и громко орали сквозь опущенные окна «И мне не жаль, ничего не жаль, полный газ, в пол педаль...», на этих словах водитель при чём на самом деле давил педаль в пол и опасно подрезал другие автомобили в потоке трассы.

Мы поднялись на второй этаж дома, разложили из пакетов алкоголь и скромную закуску. Часам к 10 вечера мне было уже скучно и хотелось домой. Играла громко музыка, девушки сидели на коленках парней, в тарелках лежало остывшее мясо. Я никак не могла допить первую кружку пива, в меня не лезло это невкусное горькое пойло и клонило в сон. Вечеринка явно не планировала заканчиваться так рано.

Я встала из-за пластикового грязно-жёлтого стола, вышла за участок и пошла гулять по дачному массиву. Сзади меня догнал хозяин дома.

— Скучаешь?

— Нет.

— А чего ушла?

— Захотела прогуляться.

— Меня бы с собой позвала.

— Так ты уже идёшь со мной.

— Такая дерзкая что ли? Мне нравится! — он схватил меня за талию.

Я оттолкнула.

Тогда он схватил меня грубее за локоть и швырнул в траву.

Я пыталась отбиться от него ногами.

— Ммм... мне нравится, когда сопротивляются. Это возбуждает! Ты наверное девственница, хочешь, чтобы я был первым?

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.